

В тот миг, когда холодное лезвие с глухим звуком вошло в грудь Ду Цзина, Цю Чэньчжи окончательно растерялся.

Покой, ещё мгновение назад казавшийся тихим и надёжным, содрогнулся и наполовину обвалился. Поднявшееся облако пыли осело на мебели и лицах, но куда хуже было другое: вместе с обломками внутрь влетели два сцепившихся тела. Они неслись прямо на Цю Чэньчжи, вынудив его инстинктивно выхватить меч.

Вглядевшись, он сразу узнал Бай Цзыюя — того самого юношу, что только что принёс ему чистые одежды.

Какая жалость! Мальчишка походил на маленького золотистого щенка, которого нещадно трепал свирепый тибетский мастиф.

Отступив в сторону, Цю Чэньчжи уклонился от летящих на него тел. Стоило им поравняться, как он резко протянул руку, ухватил Бай Цзыюя за плечо и притянул к себе.

Не успел он сообразить, как вызволить их обоих из этой передраги, как рукоять меча в его пальцах ощутимо вздрогнула, а следом раздался глухой влажный хруст.

В растерянности опустив взгляд, Цю Чэньчжи замер. Нападавший, ещё секунду назад напоминавший бешеного пса, теперь бессильно осел на землю. Задыхаясь от ярости, он смотрел снизу вверх, пока кровь безудержным потоком текла из его рта и носа.

Длинный клинок в руке Цю Чэньчжи вошёл точно ему в грудь.

Цю Чэньчжи лишился дара речи.

«В этом вашем мире культиваторов даже подставы устраивают с таким размахом?»

Вздрогнув от неожиданности, он инстинктивно попытался высвободить оружие.

Однако не успел он даже шевельнуться, как чья-то бледная рука с безупречно очерченными пальцами перехватила его запястье.

— Это ты, — произнёс Мо Хань.

Мо Хань заврожённо смотрел на стоявшего перед ним мужчину, чей облик казался высеченным из чистейшего льда. Он внимательно изучил ладонь, сжимающую эфес, и без тени сомнения добавил:

— Та безудержная, рвущаяся в небеса воля меча... Это ведь твоих рук дело?

У мужчины перед ним были руки прирождённого воина. Длинные, изящные, с тонкими сильными пальцами — в них не чувствовалось изнеженности, лишь благородство и скрытая мощь того, кто посвятил свою жизнь Пути Меча.

Мо Хань говорил ровно и буднично, но взгляд его горел неистовым восторгом. С его губ едва не сорвался извечный вопрос любого одержимого мечника: «Не желает ли почтенный даос сразиться со мной?»

Пойманный с поличным Цю Чэньчжи окончательно оцепенел.

«Если я скажу, что этот придурок сам насадился на мой клинок, ты ведь мне неверишь?»

Мо Хань не заметил смятения, скрытого под маской абсолютного хладнокровия. Он продолжал крепко удерживать Цю Чэньчжи за запястье, а его глаза сияли от неприкрытого восторга.

Обычно люди, глядя на столь благородный и величественный облик Цю Чэньчжи, замирали от восхищения. Но Мо Ханя это мало заботило.

В душе истинного заклинателя меча не существовало ничего, кроме самого клинка.

И человек перед ним идеально подходил для того, чтобы этим клинком владеть!

За долгие годы он не встречал столь чистой, леденящей кровь воли меча. Упустить возможность скрестить с ним оружие означало бы обречь себя на вечное сожаление.

Внезапно Мо Хань вскинул голову и, прямо взглянув на Цю Чэньчжи, спросил:

— Как имя почтенного даоса?

Цю Чэньчжи промолчал.

Облик Цю Чэньчжи оставался безразличным и холодным, словно зимний снег. Опустив взгляд, он безмолвно посмотрел на держащую его руку, а затем плавно перевёл взор на рукоять клинка, уходящую в тело Ду Цзина.

«Кажется, этот парень сейчас испустит дух. Кровь хлещет фонтаном... Интересно, его вообще ещё можно спасти?»

По мнению Цю Чэньчжи, намёк получился более чем прозрачным. Но упрямый юноша в белом

упорно не желал ослаблять хватку и, казалось, вовсе не думал о спасении раненого шиди.

«Да отпусти ты меня, дай хотя бы оружие вытащить!»

— Хань-эр! Оставь эту дерзость и немедленно отпусти его. Нужно спасти твоего младшего брата.

Тяжёлое молчание разорвал голос истинного владыки Тяньцина. Разогнав сгустившееся напряжение, глава ордена лёгким движением рукава отвёл клинок в сторону, подхватил умирающего третьего ученика, а заодно притянул к себе провинившегося Бай Цзыюя.

— Негодник, что ты здесь забыл? И что стряслось с твоим третьим старшим братом?

Наконец-то Тяньцин-цзы явил подобающую наставнику строгость. Нахмурившись, он бесцеремонно ухватил младшего ученика за кончик уха.

Бай Цзыюй, до этого пребывавший в глубоком потрясении от спасения, наконец очнулся и жалобно зашипел от боли:

— Наставник, полегче! Ученик ведь тоже ранен!

— Нарушаете запреты, шатаетесь где попало один за другим! Так вам и надо! — вполголоса пригрозил Тяньцин-цзы, но ухо мальчика всё же выпустил. — А теперь выкладывай: что здесь произошло?

Потирая покрасневшее ухо, Бай Цзыюй робко покосился на точёный профиль Цю Чэньчжи. Смутившись, он опустил глаза:

— Ученик признаёт вину. Мне просто стало любопытно, кто этот почтенный даос, поселившийся в зале, вот я и прокрался сюда...

Он на мгновение запнулся. Сам не зная почему, юноша решил утаить, как помогал Цю Чэньчжи одеваться и поправлять венец.

—... А потом неожиданно ворвался третий старший брат. Кажется, его кто-то намеренно подстрекал. Брат решил, что наш гость — подозрительный прихвостень демонов, и явился требовать ответа. Я знал, что этот даос — ваш почтенный гость, и попытался его защитить, но силы наши слишком неравны...

— Что?! Этот выродок осмелился поднять руку и на тебя?!

Тяньцин-цзы торопливо осмотрел порезы на теле Бай Цзыюя, и по мере этого лоб его прорезали глубокие морщины.

Раны оказались на удивление тяжёлыми. Стало очевидно: если бы в дело вовремя не вмешались, удар Ду Цзина мог оказаться смертельным для его младшего брата.

Этот паршивец проявил такую бесчеловечность к собственному соученику!

Лицо Тяньцин-цзы окончательно посуровело. Он обернулся к лежащему на полу Ду Цзину.

Ещё когда отводил меч, глава ордена успел остановить кровотечение и направить струю духовной ци, чтобы защитить меридианы сердца раненого. Хотя Ду Цзин и выглядел мертвенно-бледным, опасности для его жизни больше не было.

Он просто крепко спал без чувств.

Заметив, в какую ярость пришёл наставник, Бай Цзыюй всё же не удержался и из милосердия заступился за шисюна:

— Учитель, умоляю, смените гнев на милость! Вы ведь знаете буйный нрав третьего брата, к тому же гибель второй старшей сестры так сильно на него повлияла... Во всём виноваты те подлецы, что шептались у него за спиной и сеяли смуту!

При упоминании о погибшей ученице Тяньцин-цзы на мгновение замер. Праведный гнев в его груди уступил место тяжёлой скорби. Он посмотрел на распростёртого на полу Ду Цзина и горько вздохнул.

— Будь по-твоему. Но пощады ему не жди. Нарушение запретов ордена и покушение на жизнь соученика — грехи непростительные. Сперва мы вернём его с того света, а уж после спросим по всей строгости.

С этими словами он бережно поднял Ду Цзина, призвал облако сияющей ци и взмыл ввысь, направляясь в сторону Пика Целебной Долины.

Увидев, что наставник собирается улетать, Бай Цзыюй прикусил губу. Он украдкой взглянул на бесстрастную фигуру Цю Чэньчжи и всё же решился крикнуть вслед:

— Учитель! Почтенный даос нанёс удар лишь ради моего спасения! Пожалуйста, не наказывайте его...

— С чего ты взял, что я собираюсь винить его? — донёсся сверху раздражённый голос старейшины.

Да и кто в здравом уме станет винить меч? Этот священный артефакт теперь принадлежит Ордену Великого Небытия, а значит, за любые действия его духа орден обязан отвечать сам.

Бай Цзыюй, не знавший всей правды, растерянno захлопал глазами.

Не желая пускаться в лишние объяснения перед простодушным юношей, Тяньцин-цзы просто ухватил его за шкурку и затащил на облако:

— Твои раны тоже требуют заботы лекарств. Живо за мной на Пик Целебной Долины.

Оказавшись на облаке, Бай Цзыюй, преодолевая ноющую боль от раны, торопливо проговорил:

— Наставник, вместе с третьим братом сюда явились ещё несколько учеников внешнего круга. Но едва запахло жареным, они тут же сбежали...

— Никуда они не денутся, — отмахнулся старейшина. — Разве что решатся на предательство и побег. Но пока они топчут земли Ордена Великого Небытия, кара настигнет каждого.

Пальцы Тяньцин-цзы, перебирающие седые пряди бороды, сжались так сильно, что на них проступили синие вены.

— Я лично выясню, какая тварь вздумала сеять смуту за моей спиной!

Кажется, даже вековая сдержанность старого главы ордена дала трещину перед лицом подобной наглости.

Тяньцин-цзы взмахнул рукавом и растаял в небесной вышине вместе с учениками, оставив после себя лишь тающий в воздухе голос:

— Хань-эр, этот муж — тот самый дух священного клинка, о котором я тебе толковал.

В полуразрушенной комнате воцарилась звенящая тишина. Растерянный Цю Чэньчжи остался наедине с Мо Ханем, который всё так же цепко удерживал его за запястье.

После этих слов наставника взгляд Мо Ханя мгновенно переменялся — в нём вспыхнуло новое, ещё более пугающее пламя.

Цю Чэньчжи отчётливо понял: восхищение в глазах этого юноши стремительно перерастает в самую настоящую одержимость.

Пальцы на запястье сжались ещё сильнее, словно мечник безумно боялся, что драгоценный

дух растает в воздухе, стоит лишь ослабить хватку.

По спине Цю Чэньчжи поползли крупные мурашки.

«Становится не по себе...»

К счастью, спустя долгие мгновения Мо Хань всё же совладал со своим волнением. Он нехотя ослабил хватку и заговорил — на удивление мягко и бережно:

— Значит... ты и есть дух меча?

«Нет, чёрт возьми, я не он!»

Мысленно вопя во всё горло, внешне Цю Чэньчжи оставался безмятежен и величественен, словно древнее божество. Он не проронил ни звука.

Прежде Мо Ханю не доводилось встречать кого-то столь же холодного и немногословного, как он сам. Помолчав немного, мечник негромко продолжил:

— Когда учитель заговорил о тебе в первый раз, я ответил отказом. Все эти годы мне попадались лишь те заклинатели и духи оружия, чьи помыслы осквернены мирской суетой. Они одержимы властью, сокровищами и славой. В них нет ни капли той великой чистоты, что требует истинный Путь Меча. Я думал: ну и что с того, что это древний священный артефакт? Если его воля не созвучна моей душе, он вызовет во мне лишь отвращение. Но только что... в тот миг, когда ты взмахнул клинком, я наконец осознал...

Он почувствовал то, что никогда не откроется погрязшему в мирских желаниях разуму — первозданную, леденящую кровь волю клинка.

Мо Хань вскинул голову. Его глаза, сияющие подобно предрассветным звёздам, впились в лицо Цю Чэньчжи. Забывшись, он снова перехватил его запястье:

— Я обязан узнать твоё имя.

Цю Чэньчжи опустил веки, безучастно взирая на свою многострадальную конечность.

«Разговаривать разговаривай, но если ещё раз распустишь руки, я за себя не ручаюсь!»

— Твоё молчание... означает ли оно, что ты не считаешь меня достойным? Или же... — Юноша нахмурился, силясь разгадать эту загадку. — Или же новорождённые духи оружия лишены дара речи и ты просто не понимаешь моих слов?

«Да нет же! Мне просто до смерти не хочется ввязываться во всё это!»

Взгляд Цю Чэньчжи потеплел, он уже готов был заговорить, как вдруг краем глаза уловил смертоносный отблеск лазурного света.

Внутренний голос взвыл от опасности. Инстинктивно подавшись назад, он вскинул меч, блокируя внезапный выпад.

С резким звоном клинки столкнулись. Мо Хань пронёсся мимо, едва не задев его плечом. Волна чистейшей духовной энергии овеяла лицо Цю Чэньчжи и мгновенно угасла.

Этот старший ученик Ордена Великого Небытия действительно был гением — его разрушительная мощь подчинялась малейшему движению мысли.

Но Цю Чэньчжи, которого за этот безумный день пытались прирезать уже дважды, пришёл в ярость.

«Да у вас тут у всех крыша поехала! Один за другим так и норовят насадиться на моё лезвие! Сначала этот рыжий болван, теперь бледная немочь с мечом...»

«Вы что, издеваетесь?!»

Ослеплённый злостью, он не глядя взмахнул клинком за спину. Ему было глубоко плевать, ранит он этого наглеца или убьёт — хотелось лишь проучить мерзавца.

Мо Хань в воздухе почувствовал, как по позвоночнику пробежал ледяной ужас. Извернувшись всем телом, он совершил невероятный кульбит, спасая свою жизнь.

Но полностью уклониться не удалось. Безжалостный поток ци сорвал лоскут с его белого рукава, со звоном полоснул по клинку и улетел прочь.

Когда Мо Хань опустился на землю, его верный меч, не знавший поражений, жалобно звякнул: по всей длине лезвия поползла глубокая трещина.

«Какое сокровище!» — одновременно восхитились они про себя.

Цю Чэньчжи с изумлением уставился на зажатый в руке клинок.

«Это и впрямь настоящее божественное оружие!»

А Мо Хань во все глаза смотрел на прекрасного незнакомца. В его взгляде вспыхнуло ещё

больше благоговения.

«Какое совершенство...»

Отбросив последние сомнения, юноша сделал шаг вперёд и вновь осторожно, но настойчиво коснулся руки Цю Чэньчжи:

— Пусть ты молчишь. Но скажи, уловил ли ты суть моего удара?

Цю Чэньчжи в очередной раз лишился дара речи.

«Так ты напал на меня только ради этого?!»

«Сумасшедший!»

Не разжимая пальцев, Мо Хань долго вглядывался в его бездонные глаза, после чего тихо произнёс:

— Согласен ли ты уйти со мной... и поселиться в моей обители?

Цю Чэньчжи лишь молча уставился на него.

<http://bllate.org/book/20750/2106412>